

Юлия Арниева

САХАРНАЯ ИМПЕРИЯ

Право сильного

Юлия Арниева

**Сахарная империя.
Право сильного**

«Автор»

2026

Арниева Ю.

Сахарная империя. Право сильного / Ю. Арниева — «Автор»,
2026

Английский свет готов простить женщине скандал, но он никогда не простит ей силу. Сделка с графом Хавершемом, обернувшаяся самой неожиданной и циничной помолвкой сезона, дает мне надежную защиту и землю под новые фабрики. Однако вест-индское лобби и лондонские магнаты не отдадут свои колоссальные прибыли без боя. Против моего нового производства выставлены неограниченные деньги, влияние в министерствах и наемные убийцы, готовые на всё ради сохранения старого порядка. Вот только они не знают одну простую вещь. Я пришла из будущего и прекрасно знаю, как рушатся монополии. От автора: ЧЕРНОВИК. ПОДПИСКА График прод: ВТ, ЧТ, СБ Выживание, прогрессорство и реалии начала XIX века.

© Арниева Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Юлия Арниева

Сахарная империя. Право сильного

Глава 1

— Граф и графиня Хавершем!

Голос камергера поднялся под самый потолок и словно повис среди позолоты, света и гула множества голосов. Я шагнула вперед прежде, чем успела подумать, с какой ноги следовало начинать, и три ярда атласа послушно потянулись следом по паркету.

Мадам Лефевр была права во всем, включая то, чему я до последнего отказывалась верить. Боковые обручи раздвигали юбку почти на три фута, так что в двери приходилось входить слегка повернувшись, и я уже успела увидеть, как это проделали две герцогини, дочь маркиза и одна из принцесс, не выказав при этом ни малейшего неудобства. Три страусовых пера надо лбом довершали впечатление; при каждом шаге они покачивались и норовили попасть мне в глаз. В таком виде мне и предстояло впервые предстать перед королем.

— Не смотрите назад, — едва шевельнув губами, произнес Артур, ведя меня под руку.
— Шлейф все еще при вас.

— Откуда вы знаете?

— Я вижу лица тех, кто идет следом. Пока никто не упал.

Я чуть не повернула к нему голову.

— Артур.

— Катрин, еще три минуты приличий, и можете снова стать собой.

Это обещание несколько примирило меня с происходящим.

Зала оказалась жарче, чем я ожидала. Восковые свечи горели в люстрах, канделябрах и настенных бра, их свет множился в зеркалах и дробился на камнях, а под высоким потолком уже собиралось легкое сизое марево. Пахло нагретым воском, пудрой, розовой водой, духами и потом, который не могли победить никакие благовония: слишком много людей несколько часов подряд находились в слишком тяжелой одежде.

По обе стороны оставленного для представляемых прохода стояли придворные. Одни разговаривали, другие откровенно разглядывали вновь прибывших, третьи делали и то и другое одновременно, причем с тем совершенством, которое, должно быть, приобретается лишь годами упражнений.

Я чувствовала эти взгляды почти физически. На белом атласе мадам Лефевр настояла сама, старое золото шлейфа выбрала я, и теперь мне оставалось надеяться, что вместе они производят именно то впечатление, за которое я заплатила сумму, способную прокормить семью Маршей едва ли не год.

— Не поправляйте перья, — тихо сказал Артур.

Рука уже успела подняться к виску и я ее опустила.

— Вы намерены всю дорогу мной командовать?

— Исключительно до короля. После него вы можете объявить войну Франции, если пожелаете.

— Мир подписан две недели назад.

— Тем более произведете впечатление.

Впереди нас представляли молоденькую девушку с матерью. Девушка была хорошенькая, белокурая и так бледна, что румяна на щеках казались нарисованными на фарфоре. Перья над ее головой заметно дрожали. Мать шепнула ей что-то, не меняя улыбки, та судорожно вдохнула и сделала еще два маленьких шага.

Мне неожиданно стало ее жаль. Для нее сегодняшний вечер, вероятно, означал начало сезона, первые настоящие выходы, взгляды подходящих мужчин, материнские расчеты и все то, через что проходила каждая девушка ее круга. Мне было проще. Я уже была замужем, состояние мое не зависело от того, понравлюсь ли я кому-нибудь в этой зале, а самого мужа в случае крайней необходимости можно было взять под руку и увезти обратно в Норфолк.

Я покосилась на Артура.

— Что?

— Ничего.

— Вы смотрите на меня так, словно только что приняли решение, о котором мне лучше не знать.

— Я подумала, что чрезвычайно удачно вышла замуж.

Он повернул голову.

— Катрин, если вы намерены говорить мне подобные вещи, выбирайте менее опасные места. Я могу расчувствоваться перед королем.

Ответить я не успела. Девушка впереди нас поднялась из реверанса, отступила с помощью матери, камергер снова назвал наши имена, и через несколько шагов передо мной оказался Георг III.

Я успела увидеть его прежде, чем опустила глаза. Королю шел шестьдесят четвертый год. Он был крупным, заметно располневшим, лицо казалось краснее, чем на портретах, веки тяжелыми, однако больше всего запоминались глаза — светлые, выпуклые и неожиданно внимательные. Среди людей, увешанных орденами, шитьем и драгоценностями, сам он выглядел почти сдержанно, и от этого почему-то казался еще заметнее.

Я присела в реверансе, мысленно поблагодарив мадам Лефевр за три мучительных репетиции.

— Хавершем.

— Ваше величество.

— Норфолк, не так ли?

— Да, ваше величество.

— Хорошая земля. Очень хорошая. Что держите?

— Овец, ваше величество. Ячмень и пшеницу.

— Ячмень! — Король сразу оживился. — Вот видите. А мне говорят, будто цена зерна непременно должна упасть, потому что заключен мир. Вздор. Земля не знает, заключен мир или нет. Земля знает, хорошо ли с ней обращаются.

— Боюсь, ваше величество, мои арендаторы сказали бы то же самое о землевладельцах. Король быстро посмотрел на него и вдруг улыбнулся.

— Верно. Совершенно верно. Ваши арендаторы умнее моих министров.

Артур поклонился, ничем не показав, что только что получил от короля комплимент весьма сомнительного свойства.

— Кок в Холкеме, — продолжал Георг. — Знаете его?

— Разумеется, ваше величество.

— Толковый человек. Репа, ячмень, клевер, пшеница. Все на глазах, все известно, а половина землевладельцев по-прежнему оставляет поле под паром и потом жалуется, что земля их не кормит. Я ему говорил: покажите им цифры. Люди верят цифрам, когда не желают верить здравому смыслу.

На последних словах взгляд короля переместился на меня и я тотчас склонила голову.

— Графиня Хавершем.

— Ваше величество.

Он смотрел на меня несколько мгновений, и мне показалось, что это длится гораздо дольше, чем было на самом деле.

— Да, — произнес он наконец. — Наслышан о вас.

Всего два слова. Я ждала продолжения, но его не последовало. Король еще раз посмотрел на меня, словно сверяя увиденное с чем-то уже известным, затем коротко кивнул.

— Берегите Норфолк, Хавершем. Хорошее графство. Очень хорошее. И ячмень берегите.

Следующие уже приближались, и нам пришлось отойти. И лишь оказавшись у высокого окна, где между шторами и колонной нашлось немного свободного места, я позволила себе выдохнуть.

— Ну вот, — произнес Артур. — Королевство устояло.

— Артур.

— Я тоже чрезвычайно этому рад.

— Он сказал, что обо мне наслышан.

— Я присутствовал.

— И?

— И я бы на вашем месте пока удовольствовался тем, что его величество знает ваше имя.

— Вы прекрасно понимаете, о чем я.

— Именно поэтому и советую удовольствоваться.

Я укоризненно посмотрела на него.

— Король говорит такое каждой второй представленной даме?

— Нет. Каждой второй даме он говорит, что рад ее видеть, спрашивает о здоровье отца или вспоминает ее дядюшку. Если дама молода, может заметить, что она похожа на мать. Если стара — что давно ее не видел. С вами он не сделал ничего из перечисленного.

— Очень утешительно.

— Я и сегодня не ставил перед собой такой задачи.

— Не ищите сейчас ответа, Катрин. Здесь слишком много людей, которые с удовольствием заметят, что вы его ищете.

Я уже хотела возразить, но вместо этого снова посмотрела в сторону королевского кресла и почти сразу заметила Вэнса. Он стоял шагах в трех от короля, чуть позади и сбоку, там, где не задерживались люди, ожидавшие представления. На нем был темный придворный костюм, почти лишенный блеска, и среди золота, цветного бархата, лент и орденов эта сдержанность делала его заметнее многих.

Георг говорил с ним. Не обменивался любезностями, не принимал поклон — говорил, быстро и оживленно, подавшись вперед и дважды ткнув пальцем в воздух. Вэнс слушал, отвечал что-то короткое; король тотчас хлопнул ладонью по подлокотнику и продолжил.

— Катрин.

— Да?

— У вас сделалось лицо.

— Какое?

— То самое, с которым вы обычно обнаруживаете, что кто-то солгал вам в счетах.

Я отвернулась от короля.

— Лучше?

— Значительно. Теперь вы выглядите так, словно намерены солгать сами.

— Прекрасно. Значит, я наконец начинаю соответствовать месту.

Уголок его рта дрогнул, но ответить он не успел. У окна становилось тесно: следующая представленная семья уже отходила от короля, проход снова заполнялся людьми, и нас понемногу вытеснили к середине залы. Мимо протиснулся лакей с подносом, за ним проплыла пожилая дама в голубом атласе, вынудив Артура отступить перед ее обручами, а я едва успела подобрать шлейф, прежде чем на него наступил какой-то рассеянный джентльмен.

— Нам лучше отойти чуть дальше, — заметил Артур, предлагая мне руку.

Мы успели сделать всего несколько шагов, когда сквозь гул голосов донеслось знакомое:
— Дорогая!

Леди Уилкс пробиравась к нам через толпу в сиреновом атласе и жемчугах. Белые перья в ее прическе покачивались над головой при каждом шаге и были такой высоты, что рядом с ними мои собственные три показались верхом умеренности. Она ловко обогнула остановившихся посреди прохода джентльменов, переждала, пока перед ней протиснется встречная пара, каким-то чудом разминулась обручами еще с одной дамой и наконец добралась до нас.

— Безупречно. Решительно безупречно. — Леди Уилкс отступила на полшага и оглядела меня с головы до ног. — И я никому не скажу, что неделю назад этого платья еще не существовало. Мадам Лефевр заслуживает памятника.

— Передайте ей это непременно. Желательно после того, как я расплачусь.

— Нет, после того будет поздно. — Леди Уилкс поправила веером выбившийся локон у виска. — Господи, до чего же невозможно стоять в этих обручах. Каждый раз клянусь, что больше сюда не приеду, и каждый раз являюсь снова.

— Зачем?

Она посмотрела на меня так, словно вопрос был почти неприличным.

— Дорогая, потому что здесь бывают все. А тем, кто не бывает, следующие полгода приходится объяснять, почему их не было.

Я рассмеялась.

За спиной леди Уилкс как раз пытались разминуться две дамы, и попытка эта требовала от обеих такого сложного маневра, что разговор вокруг на несколько мгновений стих. Одна повернулась боком, вторая попятилась, зацепила обручами чей-то шлейф и остановилась с улыбкой, которой могла бы позавидовать мученица первых веков христианства. Лакей с подносом воспользовался заминкой, скользнул между ними и исчез прежде, чем дорога снова закрылась.

Леди Уилкс раскрыла веер и, прикрыв им нижнюю половину лица, сказала:

— Кстати, он здесь.

Спрашивать, о ком речь, мне не понадобилось.

— Я заметила.

— Заметили? Дорогая, его заметил весь двор. Он впервые появляется здесь и вместо того, чтобы с надлежащей скромностью держаться у стены, стоит возле кресла его величества и рассуждает с ним так, словно проделявает это по четвергам.

Она едва заметно повела веером. Вэнс по-прежнему находился у возвышения. Теперь рядом с ним стоял еще один мужчина, которого я не знала; король говорил обоим, но смотрел преимущественно на Вэнса.

— Леди Мортон уверяет, что он оказывает какие-то услуги казначейству, миссис Палмер клянется, будто он ссудил короне четверть миллиона, а сэр Хэмфри Вейн десять минут назад потребовал от меня объяснить, каким образом человек, который ни дня не заседал в парламенте, оказался в двух шагах от короля.

— И что вы ему ответили?

— Что деньги, дорогая, входят в те двери, у которых титулы иногда стучатся три поколения.

Она была так довольна собственной фразой, что я не стала портить ей удовольствие.

— И сэр Хэмфри?

— Обиделся. Следовательно, я попала в точку.

Ответить я не успела. Толпа возле дальней двери пришла в движение; несколько мужчин отступили в стороны, затем одна из дам торопливо оборвала разговор, кто-то за ее плечом поклонился, и эта волна медленно покатилась через залу к нам.

Леди Уилкс выглянула из-за веера.

— А вот теперь, дорогая, я вас оставлю.

— Почему?

— Потому что его королевское высочество идет сюда, а я уже достаточно стара, чтобы не стоять между принцем Уэльским и тем, к кому он направляется. — И она исчезла с удивительной для ее обручей быстротой.

Наследник действительно шел к нам. Я видела его прежде издали, однако вблизи первое впечатление оказалось сильнее. Ему не было еще сорока, но полнота уже изменила некогда красивое лицо. Одет он был великолепно — синий бархат, серебряное шитье, кружево, бриллианты на руках, — и все это каким-то образом не выглядело на нем чрезмерным. Он носил роскошь так же естественно, как Артур носил свой старый домашний халат: без малейшего сомнения в том, что именно так все и должно быть.

За ним держались трое джентльменов. Шагов за пять до нас принц едва заметно повернул голову, и все трое отстали.

— Хавершем.

Артур поклонился.

— Ваше королевское высочество.

— Я слышал, вы нынче женаты. Наконец-то обнаружил человека, способного удивить меня после тридцати лет знакомства.

— Боюсь, сэр, мне остается лишь сожалеть, что я так долго медлил.

— Не сожалейте. Я ценю редкие удовольствия.

Он повернулся ко мне, и я тотчас присела.

— Графиня Хавершем. Признаться, я давно желал быть вам представлен. Мой брат говорит о вас с такой настойчивостью, что я начинаю подозревать в нем способность к постоянству.

— Его высочество был чрезвычайно добр ко мне, сэр.

— Уильям добр ко всякому, кто имеет отношение к кораблям. Или к тому, чем на этих кораблях кормят людей.

Улыбка у него оказалась неожиданно обаятельной.

— Вы позволите?

Рука уже была протянута, я успела увидеть лицо Артура. Ни предупреждения, ни одобрения — только чуть приподнятая бровь.

— Для меня это честь, сэр.

Музыканты как раз начинали новый контрданс и слава богу. При дворе я предпочла бы пройти босиком по углям, чем выяснять, каким образом следует вальсировать в юбке шириной с обеденный стол; контрданс по крайней мере позволял двигаться мелкими фигурами, расходиться и снова сходиться, а главное — не требовал непрерывного разговора.

Первые такты принц молчал. Он двигался несколько тяжелее, чем можно было ожидать от человека, столько лет славившегося танцами, но все еще безошибочно. Когда фигура снова поставила нас рядом, он произнес:

— Уильям уверяет, будто вы кормите половину флота. Причем рассказывает об этом так, словно лично носит за вами корзины.

— Его высочество преувеличивает мои заслуги. Я поставляю сушеное мясо и овощи по контракту, сэр, как любой другой поставщик Адмиралтейства.

— Как любой другой? — В его голосе прозвучало неподдельное веселье. — Графиня, я знаю по имени трех поставщиков Адмиралтейства, и двое из них уже умерли. Вы решительно не похожи ни на одного.

Нас развела фигура. Я прошла между двумя парами, повернула, едва не задев чужие перья своими, и снова оказалась напротив него.

— Но Уильям занят вами вовсе не поэтому, — продолжил принц. — Вот что действительно любопытно.

— Не уверена, что понимаю вас, сэр.

— Понимаете. Но мне нравится ваша попытка.

Он дождался следующего движения и, когда мы оказались ближе, продолжил уже тише:

— Мой брат всю жизнь оставался моряком, даже находясь в десяти милях от воды. Фрегаты, офицеры, Вест-Индия, ром, женщины — порядок мог меняться, содержание никогда. А теперь он рассуждает о снабжении, вдовах матросов, стоимости угля и каких-то совершенно невыносимых цифрах.

— Возможно, он всегда об этом думал, сэр, но прежде не находил среди своих собеседников желающих слушать.

Принц посмотрел на меня внимательнее.

— Вы его защищаете.

— Нет, сэр. Я лишь не люблю, когда человеку приписывают перемену характера там, где он всего лишь перестал скрывать одну его сторону.

На этот раз он рассмеялся по-настоящему.

— Теперь понимаю.

— Что именно?

— Почему Уильям о вас говорит.

Музыка снова развела нас. Compliment был произнесен так легко, почти небрежно, и все же я его услышала. Так же, как заметила два взгляда из-за плеча соседней пары и то, что одна из пожилых дам у стены уже шептала что-то подруге. Завтра половина Лондона будет знать, что принц Уэльский танцевал с новой графиней Хавершем, а послезавтра появится объяснение зачем.

— А что будете делать вы? — спросил принц, когда мы снова сошлись.

— Простите, сэр?

— С миром. Война закончена, флот сокращают, военные расходы тоже. Я полагаю, вы не из тех, кто станет сидеть у окна и оплакивать потерянные контракты.

— Не стану.

— Я так и думал.

— Люди не перестали есть оттого, что в Амьене поставили подписи.

Он улыбнулся.

— Удивительное утверждение. В Уайтхолле оно многих поставило бы в тупик.

— Тогда, вероятно, мне не следует произносить его в Уайтхолле.

— Напротив. Вам следует произносить его именно там.

Он сказал это все еще легко, однако я насторожилась. Следующая фигура снова заставила нас разойтись. Когда мы оказались рядом, голос его сделался почти ленивым.

— Бывайте у меня, графиня. В Карлтон-хаусе собирается множество чрезвычайно умных людей, — продолжил он, — и почти все они способны говорить часами, не сообщив ничего, чего нельзя было бы выразить в двух предложениях. Мне было бы приятно иногда видеть там человека с противоположным недостатком.

— Вы оказываете мне большую честь, сэр.

— Не преувеличивайте. Я всего лишь приглашаю вас на вечер, а не предлагаю государственную должность.

Улыбка его стала шире.

— Пока.

Я тоже улыбнулась, хотя последнее слово мне совершенно не понравилось.

— Тогда мне остается принять приглашение в том виде, в каком оно сделано.

— Разумно. Уильям не обманул: вы осторожны.

— Не помню, чтобы его высочество называл меня осторожной.

— Он не называл.

Фигура закончилась прежде, чем я успела решить, был ли это ответ или предупреждение. Принц подвел меня обратно к Артуру, поклонился и задержался лишь настолько, чтобы произнести:

— Надеюсь вскоре видеть вас, графиня.

— Ваше королевское высочество.

Он ушел, и несколько мгновений мы с Артуром молча смотрели ему вслед.

— Ну? — спросил муж.

— Он пригласил меня в Карлтон-хаус.

Артур подумал.

— Быстро.

— Сегодня вы уже второй человек, который считает необходимым сообщать мне очевидное.

— Простите. — Он оперся обеими руками на набалдашник трости. — Я полагал, что на это уйдет хотя бы год.

— Это должно меня успокоить?

— Ни в малейшей степени, — безжалостно ответил муж и едва слышно добавил, — не поворачивайтесь сразу.

— Почему?

— Потому что к нам идет ваш знакомый.

— Какой именно?

Но Артур не успел ответить, Вэнс был уже рядом. Вблизи его придворный костюм казался еще строже: темный, почти черный суконный фрак, белый жилет, безукоризненно повязанный галстук, никаких драгоценностей, кроме часов, цепочка которых едва виднелась у жилета. Среди мужчин, будто соревновавшихся друг с другом в количестве золота на квадратный дюйм, эта сдержанность невольно обращала на себя внимание.

— Леди Хавершем.

Он поклонился мне, затем повернулся к Артуру.

— Милорд. Мы, кажется, прежде не имели удовольствия быть представленными друг другу. Эшворт.

— Хавершем.

Артур ответил на поклон и оглядел его с обстоятельностью, которая у другого человека могла бы показаться невежливой, но у него почему-то всегда сходила за рассеянность.

— Впрочем, ваше имя мне знакомо.

— Надеюсь, милорд, не настолько хорошо, чтобы лишить меня возможности произвести собственное впечатление.

— В моем возрасте, лорд Эшворт, человек уже редко позволяет чужому мнению избавить себя от этого труда.

— Рад это слышать.

Они обменялись взглядами, и мне отчего-то показалось, что за эти несколько совершенно учтивых фраз оба успели узнать друг о друге больше, чем собирались показать.

Затем Вэнс снова повернулся ко мне.

— Миледи, позвольте просить у вас следующий танец?

И вот здесь мне следовало отказаться. Поводов хватало с избытком: ноги уже ныли, обручи после нескольких часов стояния начинали по-настоящему резать бока, а шлейф трижды наступали те, кто имел несчастье приблизиться ко мне сзади. Артур находился в двух шагах и не сказал бы ни слова, если бы я сослалась на одну из этих причин, но я все же протянула руку.

— Позволю.

Музыканты уже брали первые такты. Рядом со мной молодая дама в розовом торопливо оправляла перчатку, ее кавалер что-то шепнул и тут же замолчал, заметив нас. Чуть дальше

повернула голову леди Мортон. Еще одна дама, имени которой я не знала, проводила Вэнса лорнетом до самого нашего места в фигуре.

Разумеется. Полчаса назад я танцевала с наследником, теперь с человеком, которого весь двор обсуждал с момента его появления возле королевского кресла. К утру мне, вероятно, припишут политическую партию и любовную связь.

Первую фигуру мы прошли молча. Приходилось следить за каждым шагом: придворные обручи требовали куда больше места, чем обычное платье, а пары стояли теснее, чем хотелось бы. Я дважды едва не задела юбкой соседнюю даму, один раз почувствовала, как чужой шлейф скользнул по моему, и только благодаря руке Вэнса, вовремя оказавшейся под моими пальцами, не наступила на собственный подол при повороте.

Когда фигура снова поставила нас рядом, он негромко произнес:

— Вы сердитесь на меня.

— Что заставило вас так решить?

— Вы еще ни разу не улыбнулись.

Я повернула голову ровно настолько, насколько позволяла фигура.

— Не знала, что это входит в обязанности вашей партнерши.

— Ни в коем случае.

— Значит, вы жалуетесь?

— Скорее пытаюсь понять, чем заслужил перемену.

Нас снова развели. Между нами оказалось сразу четыре человека, и несколько тактов я видела Вэнса только урывками: темное плечо за белым пером, профиль между двумя высокими прическами, руку, которую он протянул другой даме по рисунку танца. Когда мы вновь сошлись, выражение его лица оставалось таким же спокойным.

— Возможно, никакой перемены нет.

— Боюсь, миледи, это было бы еще менее лестно.

— Вы слишком требовательны, лорд Эшворт.

— Скорее слишком уверен в собственной наблюдательности.

— Опасное качество.

— Лишь до тех пор, пока мне не докажут, что я ошибся.

Он успел произнести последнее слово прежде, чем музыка снова заставила нас отвернуться друг от друга. Я почувствовала, как край обруча уперся в чужую юбку, торопливо сместила на полшага и услышала сзади тихое раздраженное шуршание шелка. Мадам Лефевр могла сколько угодно утверждать, что к придворному платью привыкают; лично я начинала подозревать, что все женщины в этой зале просто годами совершенствовали умение страдать с достоинством.

При следующем сближении я спросила:

— Вы всегда предупреждаете людей заранее?

Вэнс чуть приподнял бровь.

— О чем именно?

— Чтобы они не составляли о вас слишком хорошего мнения.

— Только тех, чье мнение мне небезразлично.

Ответ прозвучал так тихо, что я едва не решила, будто ослышалась. Но он смотрел прямо на меня, и в нескольких шагах от нас леди Мортон как раз перестала слушать своего кавалера.

— Опасная оговорка, милорд.

— Боюсь, это вовсе не была оговорка.

Музыка увела его от меня прежде, чем пришлось отвечать, и я была за это почти благодарна.

Следующая фигура оказалась сложнее. Пары менялись местами, приходилось проходить между двумя рядами, поворачиваться, не задев чужие обручи, и в какой-то момент шлейф

дернулся у меня за спиной. Я машинально замедлила шаг. Вэнс заметил первым. Он не обернулся и не сделал ничего, что могло бы привлечь внимание, только чуть изменил направление, дав мне лишние полшага пространства, и ткань освободилась.

— Вы видели меня возле короля, — произнес он.

— Вас видела вся зала.

— Это несколько утешает.

— Напрасно. Леди Мортон уже определила вас в казначейство, миссис Палмер ссудила от вашего имени короне четверть миллиона, а сэр Хэмфри Вейн возмущен тем, что вы добрались до королевского кресла, не просидев ни дня в парламенте.

Он рассмеялся негромко, и две головы в соседнем ряду тут же повернулись в нашу сторону.

— Последнее действительно непростительно.

— Я тоже так подумала.

Мы поменялись местами с соседней парой. Его ладонь снова легла под мою, на этот раз чуть дольше, пока фигура не позволила разойтись.

— А вы, графиня? — спросил он. — Какое объяснение выбрали вы?

Вопрос прозвучал почти лениво, но глаза у него не улыбались.

— Пока никакого.

— Не верю.

— Это уже ваша забота.

— Справедливо.

На несколько мгновений разговор оборвался. Рядом прошла другая пара; высокий кавалер едва не задел меня локтем, извинился одними губами, а за его плечом я увидела короля, все еще окруженного людьми. Вэнс тоже машинально взглянул туда, и этого короткого движения оказалось достаточно.

— Его величество питает слабость к механизмам. Часы, модели, сельскохозяйственные машины... Покажите ему устройство, назначение которого не очевидно с первого взгляда, и все остальное на некоторое время перестанет существовать.

— И вы показываете ему устройства?

— Иногда объясняю те, что показывают другие.

Это была правда и именно поэтому она раздражала сильнее лжи. Я уже научилась узнавать эту его манеру: дать ответ совершенно точный, без единого ложного слова, и оставить за ним ровно столько пустого пространства, сколько потребуется, чтобы спрятать самое важное.

— Очень удобный ответ.

— Я старался.

— Нет. Если бы старались, придумали бы ложь.

На этот раз он перестал улыбаться. Нас опять развела фигура, но взгляд он отвел не сразу, и несколько шагов мы продолжали смотреть друг на друга через плечи танцующих между нами людей.

Когда снова встретились, Вэнс спросил:

— Вы предпочли бы?

— По крайней мере, я знала бы, что вы намерены меня обмануть.

— А теперь?

Я задержалась на долю секунды, едва не пропустив движение, и его пальцы тут же коснулись моих, направляя дальше. Совсем легко, так, чтобы никто вокруг не заметил ни ошибки, ни помощи.

— Теперь я знаю только, что вы не намерены говорить мне все.

— Это уже довольно много.

— Для вас, возможно.

Он смотрел на меня чуть дольше, чем требовала вежливость.

— Для вас тоже.

Музыка оборвалась на последнем аккорде, вокруг зашуршали юбки и одновременно склонились головы. Он поклонился, я присела, осторожно удерживая равновесие на уставших ногах, а когда выпрямилась, почувствовала, как обручи снова неприятно впились в бока.

Обратно к Артуру мы шли медленно, вынужденные лавировать между расходившимися парами. Мне дважды пришлось подбирать шлейф, чтобы не дать на него наступить, а один лакей с пустым подносом застыл у колонны, пропуская нас, хотя места рядом оставалось ровно столько, чтобы пройти боком.

— Вы так и не спросили, — сказал Вэнс негромко.

Я повернула к нему голову.

— О чем?

— О том, о чем хотели спросить весь танец.

Вот теперь я улыбнулась.

— А вы так и не предложили ответить.

Он тоже улыбнулся, но взгляд остался серьезным.

— Значит, сегодня мы оба проявили редкое благоразумие.

— Не уверена, что именно так это называется.

— Дайте мне время, миледи.

— На что? — Фраза отозвалась слишком знакомо.

До Артура оставалось всего несколько шагов, и Вэнс чуть замедлил шаг — ровно настолько, чтобы это заметила я и не заметил никто другой.

— На то, чтобы однажды ответить прежде, чем вы успеете задать вопрос.

У самого Артура он остановился и поклонился ему, затем мне.

— Благодарю вас за танец, графиня.

— Милорд.

Он повернулся, сделал два шага и вдруг задержался, словно вспомнил что-то, чего не следовало оставлять несказанным.

— И еще одно, миледи.

Я ждала.

— Просьба не составлять обо мне слишком дурного мнения прежде срока. С хорошим, как выяснилось, я уже опоздал.

— Это зависит от вас, лорд Эшворт.

— Боюсь, именно это меня и тревожит.

Он поклонился еще раз и ушел. Я смотрела ему вслед, пока темный фрак не исчез между синим бархатом и золотым шитьем придворных, и лишь тогда заметила, что Артур тоже провожает его взглядом.

— Ни слова, — сказала я.

— Я ничего не сказал.

— Но собирались.

— Уже передумал. Это гораздо интереснее.

Я повернулась к нему.

— Артур.

— Молчу.

Он действительно замолчал, а я оглядела зал, обратив внимание, что королевское кресло опустело. Люди, еще недавно державшиеся возле него, пришли в движение; один из камергеров прошел к дверям, за ним потянулись придворные, и по зале прокатился едва заметный шорох, который означал больше всякого объявления. Его величество уехал.

— Домой? — предложила я, взяв Артура под руку.

— Уже?

— Я была представлена королю, приглашена будущим королем в Карлтон-хаус, и протанцевала половину вечера в сооружении, которое шире нашей кареты. Если останусь еще на час, боюсь, монархия потребует от меня чего-нибудь совсем неприличного.

Артур задумчиво оглядел залу.

— В таком случае действительно не стоит рисковать.

Глава 2

К завтраку я спустилась позже обыкновенного и еще с лестницы услышала голос Эдмунда. Он говорил торопливо, спеша рассказать все накопившее за день, опасаясь, что взрослые разойдутся прежде, чем он успеет сообщить хотя бы половину.

Артур уже сидел за столом с газетой. Кофейник стоял возле его локтя, рядом остывало яйцо, к которому он, судя по всему, так и не притронулся, а Эдмунд устроился напротив и при моем появлении немедленно выпрямился, как учил мистер Эймс.

— Миледи!

Выдержать требуемую наставником паузу ему удалось ровно до тех пор, пока я не дошла до стола.

— Пегги сказала, что вы вернулись, когда все уже спали. И что на вас было платье, в котором нельзя пройти в дверь.

Я села, принимая от миссис Грант чашку.

— Пегги преувеличивает. Пройти можно. Боком.

Эдмунд посмотрел на меня с таким недоверием, словно подозревал, что взрослые опять придумали нечто совершенно бессмысленное и теперь сообща пытаются убедить его в обратном.

— Зачем такое платье?

— Затем, сэр, — отозвался Артур из-за газеты, — что при дворе не переменили правил со времен, когда ваш дед был мальчишкой, а мой дед считал себя молодым человеком. Придворные правила меняются медленнее всего прочего, потому и живут так долго.

— Но если в дверь неудобно...

— Не ищите разумного объяснения там, где достаточно обычая. Сбережете массу времени.

Газета тихо шелестнула. Я отпила кофе, скрывая улыбку, а Эдмунд еще некоторое время обдумывал услышанное и, судя по лицу, остался совершенно не удовлетворен.

На тем временем столе появились горячие булочки, масло и блюдо с ветчиной. Эдмунд дождался, пока миссис Грант отойдет, и немедленно вернулся к событиям вчерашнего дня. Он видел из окна точильщика с большим колесом, женщину с корзиной рыбы на голове и двух собак, которые подрались возле соседнего крыльца. Одна была черная, другая рыжая; победила рыжая, хотя черная была больше.

— Следовательно, размер не всегда решает дело, — заметил Артур.

— Черная просто испугалась.

— Тем более. Полезное наблюдение для будущего графа.

Я намазывала булочку маслом и слушала их вполуха. Ничего важного не происходило, никто не приносил писем, не требовал решений и не сообщал новостей, способных изменить наши планы. После последних недель подобные четверть часа начинали казаться почти роскошью.

Наконец Артур сложил газету, тщательно пригладил ее ладонью и положил возле тарелки.

— Сэр, у меня для вас известие. Сегодня после полудня мы едем с визитами.

Эдмунд перестал жевать.

— Все вместе?

— Все вместе. И главным лицом будете вы.

Это известие понравилось ему значительно меньше истории о собаках.

— А что я должен делать?

— Ничего такого, чего вы уже не умеете. Войти, поклониться и молчать, пока к вам не обратятся.

— Все время?

— Если вам необычайно повезет.

Я подняла глаза на Артура.

— Милорд.

— Я готовлю мальчика к действительности, Катрин. — Он снова обратился к внуку. — Отвечайте, если спросят. Коротко и правду.

— А если спросят то, чего я не знаю?

— Тогда так и скажите: не знаю. Это гораздо приличнее, чем выдумывать, и избавляет от множества неприятностей впоследствии...

Выехали в первом часу. Лондонский апрель наконец расщедрился: солнце пробивалось сквозь дым, мостовые подсохли, и город, еще три дня назад серый и мокрый, выглядел почти приветливо. В открытых дверях лавок выставляли товар, мальчишка с метлой расчищал перед экипажами грязь на перекрестке, возле Сент-Джеймс-стрит торговка первоцветами протягивала прохожим маленькие букетики.

Эдмунд сидел у окна, вцепившись пальцами в ременную петлю, и требовал объяснений почти без передышки. Почему тот человек несет доску на голове? Что написано на красной вывеске? Почему у лошади хвост завязан? Кто живет в таком большом доме?

К Ганновер-сквер Артур успел ответить на двадцать вопросов и дважды пригрозить внуку, что двадцать первый будет облагаться пошлиной.

Дом леди Хартфилд оказался первым. В ее гостиной время, казалось, остановилось лет тридцать назад. Спинки кресел были слишком прямыми, шелк на стенах выцвел там, куда много лет попадало солнце, а среди портретов в золоченых рамах я насчитала не меньше четырех военных в мундирах разных эпох. Возле камина стояла ширма с китайскими птицами, одна из которых лишилась половины хвоста, и никто, похоже, не считал это достаточной причиной заменить ее новой.

Сама хозяйка оказалась крошечной старушкой в чепце, из-под которого выбивались совершенно белые букли. Она была глуховата и потому говорила громче, чем, вероятно, полагала.

— Хавершем! До чего же вы постарели.

— Взаимно, леди Хартфилд.

— Вот и прекрасно. Терпеть не могу, когда люди притворяются, будто ничего не замечают. Садитесь.

Артур представил меня, потом Эдмунда. Мальчик поклонился очень старательно, выпрямился и замер, уставившись на старушку, впрочем как и мы все.

Леди Хартфилд молчала так долго, что я уже испугалась, не сделалось ли ей дурно. Потом подалась вперед, всматриваясь в мальчика подслеповатыми глазами, и поманила рукой.

— Ближе. Ближе, дитя, я плохо вижу.

Эдмунд сделал шаг.

— Еще.

Он подошел почти вплотную, и она тотчас положила ладонь ему на голову. Я увидела, как он напрягся. Дома Эдмунд уворачивался даже от Пегги, если та пыталась пригладить ему волосы без предупреждения, но сейчас не отступил. Только пальцы, лежавшие вдоль шва панталон, сжались в кулак.

— Чарльз, — сказала леди Хартфилд.

Артур не сразу ответил.

— Да.

— Совершенно Чарльз. Тот же лоб и здесь... — Она коснулась пальцем виска мальчика.
— Он приезжал сюда с матерью, вашей второй супругой. Ему было шесть или семь лет и он опрокинул у меня вазу. Китайскую, между прочим. Я чрезвычайно рассердилась.

— Простите, — неожиданно сказал Эдмунд.

Старуха уставилась на него, потом расхохоталась.

— А вы-то тут при чем, сэр? Ваш отец разбил, ваш отец пусть и отвечает. Правда, несколько поздно предъявлять ему счет.

Дальше леди Хартфилд говорила долго и совершенно не заботилась о последовательности. Покойная сестра каким-то образом привела ее к нынешним докторам, доктора к Чарльзу, который однажды свалился с пони в ее парке и не заплакал, Чарльз к войне, а война к миру, который она, по собственным подсчетам, застала уже четвертый раз и потому не собиралась особенно ему доверять.

Эдмунду позволили сесть. Он сидел прямо, сложив руки на коленях, и слушал рассказы об отце в те годы, когда того еще никто не считал ни погибшим, ни бесчестным. Один раз повернулся к Артуру, словно хотел о чем-то спросить, но передумал.

Спустя час, выслушав по второму кругу про докторов и вредную сестру, леди Хартфилд, прощаясь, задержала мою руку.

— Берегите его.

Я проследила за ее взглядом и обнаружила, что речь идет вовсе не об Эдмунде.

— Он выглядит бодрее, чем в прошлый раз, а это в наши годы означает, что кто-то за ним ходит.

— Леди Хартфилд, — возмутился Артур, — я стою в двух шагах и...

— Вот и стойте. Вам полезно, — прервала его старушка, шепнув мне пару наставлений, от которых особо чувствительные дамы непременно рухнули бы в обморок...

К сэру Уильяму Ноллису мы попали к трем часам, и это был единственный дом, где я действительно отдохнула. Он встретил нас в холле, не дожидаясь, пока лакей успеет доложить, и обрадовался Артуру так шумно, что Эдмунд от неожиданности попятился.

— Хавершем! И графиня! Превосходно, превосходно. Я как раз третий день собираюсь вам писать и все откладываю... Так вот, он какой.

Последнее относилось к Эдмунду. Сэр Уильям оглядел его и вдруг присел перед мальчиком на корточки, чего, подозреваю, в этом доме не проделывали по меньшей мере лет двадцать.

— Сэр. Как вас зовут?

— Эдмунд Хавершем.

— Отменное имя. Скажите, сэр, вы когда-нибудь видели барометр?

Эдмунд посмотрел на деда. Артур едва заметно кивнул.

— Нет, сэр.

— Тогда идемте. Без этого дальнейшее образование совершенно невозможно.

Следующие полчаса они провели возле высокого шкафа красного дерева в углу гостиной. Сэр Уильям стучал ногтем по стеклу, показывал медную шкалу и объяснял, куда движется стрелка и почему сегодня утром она поползла вниз. К вечеру по его уверениям, непременно должен был пойти дождь, и он готов был держать пари с кем угодно, включая самого Господа, если тот предложит достаточно хорошие условия.

Эдмунд слушал, приоткрыв рот, а потом получил разрешение постучать по стеклу сам.

Мы с Артуром сидели у камина. Мне принесли чай, Артуру мадеру, но сэр Уильям, продолжая образование наследника Хавершемов, умудрялся одновременно вести разговор с нами.

— Известь? Прямо на месте жжете?

— Прямо на месте. Мел свой, две ямы. Печь поставили в марте.

— И держит?

— Первую пробу сделали. Держит.

— Ага!

Он резко обернулся к нам и совершенно забыл про ученика.

— Вот вам, Хавершем, и весь секрет. Ваша супруга не покупает то, что можно выкопать. Я толковал это Мортону два года кряду, а он выписывал камень из Йоркшира и разорился на одной перевозке...

За его спиной раздалось настойчивое постукивание, сэр Уильям вздрогнул.

— Сэр! Не так сильно. Он у меня один.

Эдмунд поспешно отнял палец.

— Простите, сэр.

— Ничего, ничего. Стучите, только слабее. Прибор должен предсказывать дождь, а не переживать землетрясение.

К концу визита Эдмунд уже знал каждую надпись на шкале, сэр Уильям успел расспросить меня о канале, кирпиче, меловых ямах и почему-то о цене овса в Хавершеме.

И только в карете я сообразила, что и здесь говорили о чем угодно, но никто не спросил, каким образом сын Чарльза Хавершема оказался в Филадельфии.

А вот у Кавендишей все было иначе. Дом на Пикадилли встретил нас безупречной прохладой. Нас провели через две гостиные, доложили, приняли и усадили с точностью, с какой хорошо заведенные часы отбивают четверти. Чай подали в фарфоре такой тонкости, что сквозь стенки чашки просвечивал огонь камина; рядом стояли тарелки с маленькими пирожными и сэндвичами, но поднос почему-то обошел Эдмунда.

— Графиня. Мы с мужем чрезвычайно рады. Милорд, вы прекрасно выглядите. Как находите нынешнюю весну?

— Мокрой, — сказал Артур.

— Совершенно мокрой. У нас в Дербишире, говорят, до сих пор не просохли дороги.

Разговор перешел к дорогам, от них к миру, затем к французским модисткам, которые, по мнению леди Кавендиш, за девять лет войны так и не придумали ничего, ради чего стоило бы пересекать Ла-Манш.

Эдмунда представили в самом начале, ему кивнули, и после этого он перестал существовать. Он сидел на краешке слишком высокого для него стула, не доставая ногами до пола, и молчал. Сначала смотрел на взрослых, потом на часы, потом на серебряную корзинку с печеньем, стоявшую в двух шагах. Я выдержала еще минуту, протянула руку, взяла печенье и положила на маленькую тарелку.

— Сэр.

Эдмунд посмотрел сначала на меня, потом на хозяйку и, осторожно взяв печенье, проговорил:

— Благодарю вас, миледи.

Леди Кавендиш улыбнулась так, словно ничего не заметила, я ответила ей тем же; и еще несколько секунд мы обе делали вид, что единственным предметом нашего внимания остается разговор о Париже.

Однако она продолжала разглядывать мальчика, делая это с безупречной осторожностью: поверх чашки, в короткие паузы между фразами, пока ее супруг рассуждал о цене лошадей. Лицо у нее при этом было такое, с каким рассматривают вещь сомнительного происхождения в лавке древностей: не то подлинник, не то искусная подделка; спрашивать неловко, а поверить еще труднее.

— Сколько же ему лет? — спросила она наконец.

— Пятый год, — ответил Артур.

— Как удачно. В этом возрасте дети еще не помнят ничего дурного. — Сказано это было с самой мягкой улыбкой.

— Напротив, леди Кавендиш. В этом возрасте они помнят решительно все, и притом гораздо точнее нас с вами. Просто пока не умеют этим воспользоваться.

Эдмунд перестал жевать печенье, и на несколько мгновений стало слышно, как в камине осыпается уголь.

— Какая любопытная мысль, — наконец произнесла хозяйка и до окончания нашего визита не проронила больше ни слова.

Уходили мы четвертью часа позже, чем полагалось бы для холодного визита и минут на десять раньше, чем для теплого. У дверей леди Кавендиш сказала, что непременно ждет нас снова, и я поверила ей ровно настолько, насколько она того желала.

Лакей еще не успел закрыть дверцу кареты, когда Эдмунд сообщил:

— Мне там не понравилось.

— Мне тоже, — отозвался Артур.

Мальчик удивленно посмотрел на него.

— А зачем мы тогда сидели?

— Потому что, сэр, однажды вам придется сидеть в подобных гостиных без меня. Полезно заранее знать, какие из них вам не нравятся.

— Я могу туда не ездить.

— Когда станете графом, иногда сможете.

Эдмунд немного подумал.

— А сейчас?

— Сейчас вы всего лишь наследник. У наследников значительно меньше свободы. — Ответил граф, Эдмунд с шумом выдохнул, видимо, осознавая всю несправедливость этого мира, я же отвернулась к окну, чтобы он не увидел моей улыбки.

Лорд Дакрс жил на Гросвенор-стрит и принял нас в кабинете, а не в гостиной, что само по себе обещало разговор без лишних кружев.

Он был ровесником Артура, может быть, годом или двумя старше: грузный, красный, с распухшей подагрической рукой, лежавшей на подлокотнике как отдельный предмет. Возле его кресла стояла низкая скамеечка для больной ноги, на столике громоздились письма, газеты, два пузырька с лекарством и тарелка с печеньем, к которому хозяин явно не притрагивался.

При нашем появлении он даже не попытался встать.

— Хавершем. Простите, не поднимаюсь. Нога.

— Не трудитесь, Дакрс. Я и сам поднимаюсь через раз.

— Врете. Вы бодры, как жеребец, и это меня раздражает.

Он оглядел меня, затем Эдмунда.

— Стало быть, вот он.

— Эдмунд Хавершем, сын покойного Чарльза.

Мальчик поклонился. Дакрс смотрел на него долго, не пытаясь скрыть интереса, и я почувствовала, как Эдмунд рядом со мной весь подобрался. За один день он уже научился отличать людей, которые смотрели на него потому, что видели Чарльза, от тех, кто пытался решить, действительно ли он его сын.

— Ступайте-ка, сэр, поглядите в окно, — наконец сказал Дакрс. — Там внизу лошадей проводят. Гнедая — моя, и лучшей вы в Лондоне сегодня не увидите.

— Сегодня? — переспросил Артур.

— Молчите, Хавершем.

Эдмунд посмотрел на деда, получил разрешение и отправился к окну.

— Хавершем, мы знакомы сорок лет, поэтому я скажу без обиняков. Женщина является из-за океана с ребенком и бумагами, а вы объявляете мальчика наследником. Не слишком ли скоро?

— Не слишком, — спокойно ответил Артур. — Я отправил в Филадельфию человека. Он проверил записи на месте и привез заверенные выписки.

— Бумаги подделывают.

— Именно поэтому я и послал человека их проверять.

— И все же...

— И все же, Дакрс, сомневаетесь вы не в бумагах. Вы сомневаетесь в моем рассудке. Полагаете, что старик остался без наследника, обрадовался и поверил в первого подходящего. — Артур говорил, не повышая голоса. — Позвольте вас успокоить: рассудок мой при мне, и распоряжаться им я намерен самостоятельно, пока жив. Как и всем прочим, что мне принадлежит.

— Полно. Я спросил, вы ответили. И спросил я потому, что вы мне не безразличны. Прочие промолчат, а думать будут то же самое.

— Знаю.

— Вот и славно.

Он повернулся ко мне.

— А вы что скажете, графиня?

— Только то, милорд, что мальчик четвертый месяц живет в доме своего деда и за это время я не обнаружила в нем ни единой черты, которой прежде не замечала у его сиятельства, включая скверные.

Дакрс несколько мгновений смотрел на меня, словно решая, следует ли оскорбиться, затем расхохотался так громко, что Эдмунд у окна обернулся. Смех почти сразу перешел в кашель; мужчина сердито отмахнулся от Артура, потянувшегося было к графину, сам налил себе воды и только после нескольких глотков снова обрел способность говорить.

— Хавершем, где вы ее взяли?

Артур на пару секунд задумался, будто вопрос требовал обстоятельного ответа и бросив на меня быстрый взгляд, ответил:

— В Норфолке. Совершенно случайно.

— И вам позволили оставить?

— Как видите.

Я уже собиралась заметить, что присутствую при этом разговоре, когда от окна донесся голос Эдмунда:

— Сэр, ваша гнедая хромает.

Дакрс еще улыбался.

— Что?

— Гнедая, сэр. Та, которую вы показывали. Она хромает на левую переднюю.

Старик повернул голову к окну.

— С чего вы взяли?

— Она ее бережет. Наша Бесси так же ставила ногу, когда наколола копыто.

Дакрс нахмурился, несколько секунд всматривался в мальчика, затем уперся ладонями в подлокотники и начал подниматься. Получилось не сразу, однако от помощи Артура он отказался одним взглядом и все-таки добрался до окна.

— Проклятье.

— Я предупреждал вас насчет рассудка, — насмешливо заметил Артур.

— Молчите, Хавершем, — буркнул Дакрс и когда мы уходили, я услышала, как старик требовал послать в конюшню и немедленно выяснить, что с гнедой.

Домой мы возвращались в шестом часу вечера. Эдмунд продержался до первого поворота, потом сполз по сиденью, привалился к моему боку и я поняла, что на этом его запас мужества окончательно иссяк.

— Устали, сэр? — спросил Артур.

— Нет.

— Врете.

— Немножко.

— Я тоже.

Артур переложил трость на другую сторону, освобождая мальчику место для ног.

— Быть наследником, сэр, утомительное занятие. Вас будут разглядывать, о вас будут спрашивать, а некоторые станут искать в вас изъян просто потому, что им будет приятно его найти. Быть хозяином еще труднее: тогда придется отвечать не только за себя одного.

Эдмунд смотрел на него снизу вверх.

— Я не хочу.

— И правильно. Кто хочет, тот обыкновенно плохой хозяин. — Артур помолчал. — Но пока вам нечего опасаться, потому что вы не один. Я рядом и миледи, а миледи, доложу вам, страшнее меня.

Эдмунд слабо улыбнулся, повозился, устраиваясь удобнее, и через несколько минут заснул, прижавшись щекой к моему рукаву.

Артур некоторое время смотрел на него, потом едва слышно произнес:

— Ни один. Никто не поинтересовался, почему мой погибший сын, пять лет прожил в Филадельфии.

— Я заметила, — согласилась я, глядя в окно, где мимо ползли фасады, лавки, вывески, и думала. Письма были отправлены Форду в марте. Две пачки: те, что писал Чарльзу «любезный кузен», и те, что Чарльз писал отцу и не отправил. Несколько листов, за которыми стояла контрабанда, торговля с неприятелем и мнимая смерть наследника древнего рода.

С тех пор Ярмут уехал во Францию, графиня Уэстморленд слегла с мигренями, а герцога Кентского отправили губернатором в Гибралтар «в знак высочайшего доверия».

И ни одна из этих новостей не потянула за собой имени Хавершемов. Я не знала, следует ли мне быть благодарной Форду или тревожиться еще сильнее. Человек, который держит у себя такие бумаги и не дает им ходу, оказывает услугу ровно до той минуты, пока ему это удобно.

Дома Эдмунда пришлось будить. Он открыл глаза, уверенно заявил, что вовсе не спал, но все же позволил Пегги увести себя наверх.

Я же поднялась в кабинет и написала три строки, не поставив ни имени, ни подписи: дама, которой однажды показывали каменных рыцарей, просит уделить ей полчаса.

Дик отвез записку в тот же вечер.

Глава 3

Финч явился к семи, за час до ужина, довольный собой настолько, что это было заметно еще с порога. Он держался, как всегда, безукоризненно, но стоило ему поставить портфель у кресла и снять очки, как уголки рта все-таки дрогнули.

— Миледи. У меня к вам известия, и оба, полагаю, вас порадуют.

Я отставила чашку и устроилась удобнее.

— Начинайте с того, которое меньше.

— Тогда начну с мистера Вэнса.

— Он ответил?

— Ответил, миледи. Вернее, ответил его поверенный, мистер Кросс, — Финч раскрыл портфель и достал сложенный лист, лежавший поверх остальных бумаг. — Наше предложение не отклонено. Однако оно и не принято. Мистер Вэнс не оспаривает ни цены, ни условий и собственных не выдвигает.

— И что же он делает?

— Предлагает встретиться. — Финч поднял на меня глаза поверх очков. — Лично. Мистер Кросс особо подчеркнул это слово. Мистер Вэнс желал бы обсудить дело с вами.

Я несколько мгновений смотрела на письмо в его руке.

— Что вы ему ответили?

— Что доложу вам и что решение остается за вами.

— Да... вы правильно сделали. Пока ничего не отвечайте.

— Как прикажете.

Он сделал короткую пометку на полях, убрал письмо и заметно оживился. Если первая новость его занимала, то второй он явно гордился.

— А теперь, миледи, прошу позволения изложить все несколько подробнее. Оно того стоит.

— Излагайте.

— Помните ваше поручение относительно привилегии мистера Уатта?

— Помню. Вы писали, что дело затягивается.

— Затягивалось, миледи, по причине, которая теперь кажется мне почти смешной.

Финч снял очки, протер их краем платка и только после этого продолжил:

— Я искал не там. Полагал, что речь идет об обыкновенной привилегии, каких выправляют по три сотни в год, и рылся в реестрах. Между тем срок защиты мистера Уатта был в свое время продлен особым актом парламента.

Я уже догадалась, к чему он ведет.

— И?

Финч выдержал паузу, явно не желая лишать себя удовольствия произнести главное.

— И срок истек, миледи. В январе тысяча восьмисотого года.

— Больше двух лет назад, — задумчиво протянула я, откидываясь на спинку кресла.

— Именно так.

— И все это время...

— И все это время, миледи, механики продолжают сторониться устройства, которое уже не защищено прежней привилегией. Я навел справки у двух знакомых стряпчих в Бирмингеме, и оба сказали одно и то же: среди людей закона об этом знают. Среди мастеровых далеко не все. — Он снова надел очки. — Мастерской не читает парламентских актов. Зато прекрасно помнит, что двадцать лет всякого, кто брался за подобную машину без дозволения, могли разорить тяжбой.

Я поднялась и прошла вдоль стола. Двадцать лет — срок достаточный, чтобы запрет успел пережить самого себя.

— Мистер Финч, достаньте мне заверенную выписку из этого акта. А лучше три.

— Уже заказал, миледи.

— Вы становитесь невыносимы, — усмехнулась я, обернувшись.

— Стараюсь, миледи, — Финч довольно улыбнулся и поднялся с кресла. — Завтра выписки будут у вас. Позвольте откланяться: в восемь я обещал быть у Линча, а он живет в Клеркенвелле и не прощает опозданий.

— До завтра, мистер Финч.

Проводив поверенного, я сделала несколько записей в блокноте, закрыла его и спустилась в столовую.

Стол в этот вечер накрыли на четверых. Мэри вернулась из Кента накануне ночью и весь день провела в Сауторке, так что увиделись мы только теперь. Она вошла в темно-зеленом платье, скромном, но сшитом хорошей портнихой, и я в который раз поймала себя на том, что не узнаю в ней ту девушку, которая почти год назад чистила мне башмаки и не умела написать собственного имени.

— Миледи. Милорд.

Артур кивнул ей с той же обстоятельностью, с какой кивал бы супруге соседа-сквайра, и, к моему изумлению, сам придвинул ей стул.

— Садитесь, мисс Мэри. И рассказывайте. Я живу в этом доме вторую неделю, и все, что мне сообщают, касается либо кирпича, либо августейших особ. Мне решительно недостает чего-нибудь человеческого.

— Боюсь, милорд, у меня одни кентские новости.

— Превосходно. Кент дальше Норфолка и не имеет ко мне ни малейшего отношения. Именно то, что нужно.

Но беседу пришлось ненадолго отложить и воздать должное ужину. Сегодня нам подали суп, затем вареную баранину с каперсами, пирог с голубями и блюдо молодой моркови, которую миссис Грант добыла где-то на рынке и сообщила об этом с гордостью полковника. Эдмунд, проспавший после визитов два часа кряду, был совершенно свеж и первые четверть часа не давал никому вставить слова, требуя объяснить, откуда барометр знает про дождь.

Артур объяснял терпеливо, потом попытался переложить эту обязанность на меня, и к концу супа мы все-таки пообещали купить барометр, причем Эдмунд настоял, чтобы тот был «совсем настоящий», а не игрушечный. Только когда его увели наверх, мы вернулись к прерванной теме.

— Итак, — сказал Артур, и я мысленно отметила, что он произносит это всякий раз, когда собирается слушать долго. — Венчание.

Мэри порозовела.

— Обвенчались, милорд. В прошлый вторник, в Мейдстоне.

— Матушка ваша долго упрячилась?

— Полгода, милорд. Сперва отказала наотрез. Потом соглашалась через день. Потом снова отказывала. Мистер Портер все это терпеливо сносил, будто ждать — его обыкновенное занятие. Впрочем, он ведь аптекарь, ему привычно ждать, пока настойки настоятся.

Артур фыркнул.

— И чем же он ее взял?

— Вывеской.

— Как?

— Заказал новую вывеску, милорд, — Мэри отложила вилку. — «Портер и Кларк, аптека и кондитерская». Явился и повесил. Матушка вышла на крыльцо, увидела и села прямо на ступеньки. Говорит: я еще согласия не давала, а он мою фамилию на дверь прибил.

— И что же она?

— Дала согласие. — Мэри улыбнулась. — Не пропадать же вывеске.

Артур рассмеялся и потянулся за хлебом, а я подумала, что за все время нашего знакомства не слышала от Мэри такого длинного и такого веселого рассказа.

Венчали ее матушку и аптекаря при семнадцати гостях, из которых четырнадцать оказались родней со стороны ее покойного отца — той дальней кентской родней, что расходится по трем приходам и знает друг о друге все вплоть до цены на сено. Свадебный пирог пекли в две руки, мать и невестка дядюшки, и спорили о нем три дня. Брат Мэри произнес речь, сбился на середине и был спасен тем же дядюшкой, который договорил за него, ничуть не смутившись.

— Оттого я, миледи, и приехала с полной головой чужих дел, — заключила Мэри. — У них там за одним столом пересказали все графство.

— Что-нибудь стоящее?

Она отставила чашку и посерьезнела.

— Есть, миледи. Про Роксбери-холл.

— Слушаю, — мне казалось, я совершенно не переменилась в лице, но заметила, что Артур и Мэри смотрят на меня одинаково внимательно.

— Мой дядя служит при церкви в Файнхэме, а водит знакомство с местным кузнецом. — Мэри заговорила деловым тоном, каким докладывала о цехах. — А кузнец подковывает лошадей в Роксбери. Так вот, миледи: мистера Сандерса там нет.

— Это мне известно.

— А управляющий есть. Мистер Хоулэнд — и распоряжается он теперь всем.

— Это его обязанность.

— Обязанность, — согласилась Мэри. — Только за один месяц он продал две сотни овец, а по книгам, говорят, проходит полторы. И лес рубит в дальней роще, будто бы на починку сараев. Только возы идут в Мейдстон, а обратно возвращаются пустые.

Артур молча резал мясо, не поднимая глаз.

— Дальше.

— Дальше хуже, миледи. Арендаторам он поднял ренту на четверть. Объявил, что таково распоряжение хозяина, а хозяина в тех местах никто не видел с января. Двое уже съехали. Один старик, что держал ферму сорок лет, ходил жаловаться в контору, и ему сказали, что жаловаться некому.

Я поставила чашку и неожиданно для себя обнаружила, что злюсь. Земля в Кенте хорошая, я знала об этом из книг Колина: суглинок, вода близко, луга под сено, четыре сотни акров пашни. Такая земля кормит триста человек и кормила бы дальше, если бы над ней стоял хоть кто-нибудь, а теперь стараниями семейства Сандерс она медленно погибает.

— Миледи? — осторожно позвала Мэри, обеспокоенно на меня поглядывая.

— Да? — отрешенно отозвалась я, продолжая перебирать в памяти все, что знала о землях в Кенте.

— Вы... — она замялась. — Простите... вам неприятно.

— Мне неприятно. Только не по той причине, о которой ты думаешь.

Артур, наконец, отложил приборы.

— Позвольте, я угадаю. Вас злит не то, что земли принадлежат Сандерсу, а то, что имение приходит в упадок.

— Именно.

— Так я и полагал. — Он откинулся на спинку стула. — Катрин, вы сделались землевладельцем. Это происходит незаметно и не поддается лечению.

— Артур, там четыре сотни акров пашни.

— Знаю. И два десятка арендаторских дворов, и мельница на ручье, если ее не свели на дрова. — Он пожал плечами. — А хозяин в Париже, и вернуться не может, потому что его

здесь ждут люди, которым он должен. Управляющий это понимает не хуже нас с вами. Он не ворует, Катрин. Он выжимает из имения все, что успеет, пока хозяин далеко.

— И что будет с арендаторами?

— То же, что бывает всегда. Часть съедет, часть разорится, а через два года кто-нибудь купит эту землю за половину цены и станет удивляться, почему она в таком состоянии.

— Так ведь можно же написать куда-нибудь, — сказала Мэри. — В магистрат или...

— Некому, — отозвался Артур. — Хозяин жив, в отлучке, распоряжений не отменял. Управляющий действует его именем. Пока Сандерс не объявится или не умрет, никто не станет разбирать, сколько там овец и куда ушел лес.

Он посмотрел на меня.

— И не смотрите на меня так, Катрин. Я знаю этот взгляд.

— Я ничего не сказала.

— Вы посчитали. Я видел, как вы разложили цифры в уме. — Он покачал головой. — Мой вам совет: не сейчас. У вас в Норфолке канал, завод и дороги, а также производство в Саутуорке и его высочество принц. Довольно.

Он был прав, я это знала, и все же весь остаток ужина у меня в голове против воли складывались цифры: четыре сотни акров, два десятка дворов, мельница, ручей. Земля в Кенте. Два дня пути от Лондона и хозяин, который не может вернуться.

К девяти дом стих. Мы перешли в малую гостиную, дождь все еще шелестел за окнами, угли оседали, и миссис Грант, зная привычку графа, уже разложила карты на ломберном столике. Артур, устроившись в кресле у камина, немного поворчав на его неудобство, подвинул колоду ко мне и с усмешкой заговорил:

— Сдавайте и рассказывайте, что вам такого поведал мистер Финч. С семи часов у вас такой вид, будто вы что-то замышляете.

Я сняла колоду, и чуть помедлив, произнесла:

— Привилегия Уатта истекла.

Артур поднял брови.

— Когда?

— В тысяча восьмисотом году.

— Два года назад. И об этом никто не знает?

— Кто-то знает, но не те, кто в этом заинтересован.

Я раздала карты и взяла свои.

— Артур, они два года боятся покойника.

— Катрин, это вернейшее описание половины того, что делается в нашем королевстве.

— Он просмотрел карты и выбрал одну. — И что вы намерены делать с покойником?

— Оставить его в покое и вспомнить, что мистер Радд рассказывал мне в конце зимы.

Я объявила терц. Артур поморщился, но карту все-таки положил.

— В Лидсе есть механик по имени Мэттью Мюррей. Из простых, начинал подмастерьем, теперь имеет собственное заведение. Радд говорил о нем с таким уважением, какого я от него прежде почти не слышала, а Радд, как вы знаете, скорее откусит себе язык, чем похвалит чужую работу. Он утверждает, что станки Мюррея работают с редкой точностью.

— Похвально. И что же?

— А то, что ему становится тесно. Дело растет, заказов больше, земля возле мастерских дорожает, свободных участков почти нет. И Мюррей слишком хорош, чтобы нравиться Сохо.

Артур, до сих пор разглядывавший свои карты, поднял глаза. В камине осел уголек, на мгновение ярче осветив его лицо, а за окнами все так же ровно шуршал дождь.

— Вот как.

Я выложила карту и потянулась за следующей.

— У него есть мастера, имя и заказы. У вас есть то, чего нет у него.

Артур прищурился, будто действительно принялся перебирать собственные достоинства.

— Семьдесят лет, подагра и крайне дурной характер?

— Земля.

— Земля... как прозаично, — рассмеялся Артур и наконец сделал ход. — Из всех моих достоинств вы выбрали самое унылое.

Я дождалась своей очереди, забрала взятку и только тогда продолжила:

— Артур, у вас есть свободная земля, которую вы согласились бы продать?

На этот раз он не ответил сразу. Сперва закончил взятку, потом собрал карты веером, еще раз просмотрел их, словно ответ мог обнаружиться между королем и девяткой, и отложил на колени.

— Есть, — выговорил он наконец. — Разумеется, есть. Полтораста акров за старой пустошью, вдоль дороги на Тетфорд. Земля скверная, под пашню не годится, овцы и те ходят неохотно. Я четыре года сдавал ее в аренду Уолту за смехотворные деньги, потому что он желал числиться землевладельцем в Норфолке.

— И?

— И полагаю, что сейчас он в ней не нуждается. Я согласен, даже если завод не окупится ни разу.

— Он окупится.

— Тем лучше.

— Артур, вы понимаете, что из этого выйдет?

— Понимаю, что мне придется терпеть еще одного механика.

— Хуже... заводу понадобятся рабочие. Не двадцать человек, а, возможно, сотня, а если он переведет часть мастеров из Лидса еще больше. Вместе с женами и детьми это несколько сотен человек, которых надо где-то поселить.

Артур нахмурился.

— В трех деревнях вокруг столько свободных домов нет.

— Вот именно, — согласилась я и только теперь, проговорив это вслух, сама увидела масштаб. — Одним заводом дело не ограничится. Рабочим понадобятся дома, следом появятся лавки, колодцы, школа, а если поселок разрастется — рано или поздно и часовня. Значит, кирпича потребуется в несколько раз больше, Маршам придется нанимать людей, которых в Хоу-Энде тоже нет, а дорогу от старого тракта, которую мы сейчас засыпаем известью для кирпичных подвод, разобьют в первое же лето. По ней пойдут станки, железо, уголь...

— Канал, — сказал Артур.

— Верно, канал. Мы с вами занялись им весьма вовремя. Машину или котел на телеге по норфолкской грязи не увезешь, ось хрустнет на второй миле. А баржа возьмет их и не заметит.

Артур медленно кивнул.

— Восемь миль воды от Денвера до среднего шлюза.

— И от среднего шлюза до вашей пустоши четыре мили по суше, которые надо мостить как следует, а не так, как мы мостим под кирпич.

Он собрал карты в стопку и постучал ими по столу, выравнивая.

— Катрин. Вы описали конец моей тихой жизни. — Он произнес это без всякого возмущения, скорее с любопытством. — Я женился на вас, полагая, что приобретаю занимательную собеседницу и некоторое количество новшеств. С тех пор в моем доме появились трубы, горячая вода, инженер, внук, три кошки, лечебный дом и восемь миль судоходной воды. Теперь вы предлагаете завод и поселок при нем.

— Боюсь, это так.

— Бойтесь вы напрасно. В семьдесят лет я обнаружил, что тишина — самая переоцененная вещь на свете. В тишине, Катрин, слишком хорошо слышно, как идут часы.

Он произнес это буднично, почти между делом, и сразу потянулся за следующей картой, но я на мгновение задержала на нем взгляд.

— Ваш ход, — напомнил Артур.

Мы доиграли партию. Артур выиграл, обвинил меня в том, что я снова поддалась, и немедленно потребовал реванша. Я принялась тасовать карты, все еще думая о земле, дорогах и том, сколько всего потянет за собой один завод, когда вспомнила разговор Артура с королем.

— Артур, у меня к вам еще одна просьба.

— Сегодня вы необычайно дороги в содержании.

— Его величество упоминал мистера Кока из Холкема.

— Упоминал и весьма благосклонно.

— Вы с ним знакомы?

Артур фыркнул.

— Катрин, всякий землевладелец в Норфолке знаком с Коком, хочет он того или нет. Если вы не желаете слушать о клевере за обедом, он найдет способ рассказать вам о нем после обеда. Если сумеете избежать его там, настигнет на охоте. — Он сбросил карту. — Зачем он вам?

— В мае я сею свеклу.

— Ах да. Свекла.

— Не говорите о ней так, будто речь идет о неприятной родственнице. Я знаю, что из нее можно получить сахар, и знаю, что делать с корнем после уборки. Но я в жизни не засекала поля, и понятия не имею, как свекла поведет себя в норфолкской земле: когда лучше сеять, насколько глубоко, чем удобрять, что делать, если в мае ударит поздний мороз.

— Вы просите совета?

— Знакомства. Совета я попрошу сама, если мистер Кок согласится его дать.

— Он согласится. — Артур усмехнулся. — Кок много лет убеждает норфолкских землевладельцев не обращаться с землей так, как обращались их деды. А тут является графиня Хавершем и просит помочь ей с культурой, которую здесь почти никто не выращивает полями. Он будет счастлив.

— Тем лучше.

— Нет, Катрин, вы опять не понимаете. Он будет счастлив подробно и через месяц вы начнете прятаться от его писем. А еще должен вас предупредить. Кок не злонамерен, но полезное знание, по его мнению, существует именно затем, чтобы им делились. Если вы объясните ему, зачем вам эта свекла, к июлю будет знать половина Норфолка, а к августу сведения доберутся до Сити.

— Не объясню. Скажу то же, что говорила мистеру Бrame. Корм для скота.

Артур покачал головой.

— Однажды, Катрин, кто-нибудь из этих людей сложит два и два.

— Разумеется. Я лишь надеюсь, что к тому времени у меня уже будет завод.

На этот раз партия осталась за мной, хотя играла я из рук вон плохо и дважды едва не отдала Артуру верную взятку. Он долго изучал последние карты, подозревая меня в намеренном отвлечении противника разговорами о заводах и свекле, но доказать ничего не смог.

К себе я поднялась в начале двенадцатого. Джейн уже приготовила все ко сну и, разбирая мои волосы перед зеркалом, вполголоса перечисляла домашние новости: Пегги говорит, что мастер Эдмунд весь вечер говорил о барометре, миссис Грант велела передать, что бакалейщик снова прислал не тот чай, а из Норфолка ничего не было.

Последнее я отметила особенно. Значит, Моррису пока нечего сообщать.

Когда Джейн вынула последнюю шпильку и волосы рассыпались по плечам, я обнаружила, что думаю уже не об Уатте, не о Мюррее и не о земле, которую мы за один вечер успели мысленно застроить целым поселком, а о мистере Вэнсе и его желании обсудить дело лично...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.